

1988

RECIPROCAL

ВСТРЕЧИ

**АЛЬМАНАХ
ЕЖЕГОДНИК**

1988

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

Обложка Владимира ШАТАЛОВА

Редактор Валентина СИНКЕВИЧ

Редакционная коллегия:

**Елена ДУБРОВИНА, Михаил КРЕПС,
Рина ЛЕВИНЗОН, Владимир ОДИНОКОВ,
Рене ГЕРРА, Александр РЯЗАНОВСКИЙ,
Владимир ШАТАЛОВ**

**ENCOUNTERS
7738 Woodbine Avenue
Philadelphia, PA 19151
U. S. A.**

**Library of Congress Catalog Card No. 84-645937
ISSN: 0888-5257**

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

- Ирина Ратушинская — “Засвети мне зеленый огонь...”.
“Сядь, закури...”. Святой Георгий. Призвание. “Где-то сад...”.
“Ну не то, чтобы страшно...”. “Если волосы чешешь...”. “И ес-
ли не спится...”. “Дом под соломенной крышей...”. 7
- Иван Елагин — “Довольно. Я лгать...”. “Я опустил окно...”.
“Проходит жизнь...”. “Она наклонилась...”. “Они горят...”. 16
- Юрий Кублановский — Британские стансы. 23
- Лия Владимировна — Снежная баллада. “Что мне делать...”.
“Я простилась...”. “Блестели кочки...”. 28
- Бахыт Кенжеев — “И снова ты один...”. “Виноватые ищут...”.
“На что похож?...”. “Где длился спор...”. 33
- Надежда Васильева — “Колокола...”. “Раскрыта тайна...”.
“Я всё вспоминаю...”. “Серый день...”. “Там будет всё...”.
“На улице...”. “Еще рассыпан...”. 37
- Михаил Крепс — На любых пальцах. Деревенский колодец.
Рассвет с завязанными глазами. Антракт. 42
- Лидия Алексеева — “Распахнулась роща...”. “Меж елочных
огней...”. “Понорница”. 47
- Павел Бабич — “Мне приснилось...”. Ворон. “Я всё забуду...”.
Ладисполь. “Грустно пить одному...”. 49
- Валентина Синкевич — Старый альбом. На смерть мона-
хини. Из прапамяти. 53
- Борис Филиппов — “Полнотелую, румяной свахой...”.
“Проиграли мы...”. 59
- Марина Темкина — Из юношеской тетради. 61
- Ирина Муравьева — “Жизнь, засыпанная снегом...”. “Чтоб
спасти меня...”. “Прогулка...”. “Ночь пахнет то рыбой...”. 65
- Владимир Шаталов — Эюд. Из дневника. “В небо
твое смотрю...”. 68
- Рина Левинзон — “Как я любила...”. “Не кончается...”.
“День начинается...”. Мельница в Монтефиоре. “С утра —
светло...”. “Тепло моей жизни...”. 73

Тамара Величковская — “Привычная, земная толчая...”	77				
Ефим Гаммер — “Снится давний...”	“На неприбранной постели...”	“И спутник...”	“Не надо...”	“И всё-то...”	78
Елена Дубровина — Утро в Париже	“Коротки вечера...”	“Я исчезну...”	81		
Вадим Крейд — “Наблюдая, как запад...”	“Весенний день...”	“Вот зеленеет мхами...”	85		
Инна Богачинская — Памяти Ивана Елагина. Редактору	“Рухнешь в небо...”	Прощальная песня	87		
Анатолий Либерман — — Ветр в овраге	“Год, как капля дождя...”	“Я, как слепец...”	“Далеких дней...”	90	
Ольга Ильина — Над книгой прадеда	“По вечерам...”	“Мы Тебя создали...”	93		
Александр Рязановский — Лодовико. Град Китеж	95				
Игорь Михалевич-Каплан — Сети. Утро за занавеской	Чардаш	99			
Мария Визи — Налет. Корабли входят в бухту. На заре	101				
Елена Иоффе — На смерть молодой женщины. Осеннее	“Всё, что я любила...”	“Как бы хороша...”	104		
Олег Ильинский — Новое утро. Вечереет. Холсты	“Весна — служанка...”	Зашли в кафе	109		
Людмила Агрэ — “Хочется взять...”	Смиренья	113			
Борис Волков — Удачный день. Осень. Уходящие корабли	115				
Маргарет Баррингер — О кипарисах	119				

ИСКУССТВО

Ростислав Сазонов – Дальнее плавание.	21
Юрий Бобрицкий – Берег в Мейне.	31
Надежда Карнова – Бегство в полдень.	45
Сергей Голлербах – Рисунок из блокнота.	57
Владимир Шаталов – Ничего вокруг.	71
Владимир Одинокоев – Портрет.	83
Лазарь Портной – Сироты.	107

Засвети мне зеленый огонь среди ночи,
Я пойду на него напролом, как на свет из окна.
Что ты странно глядишь, почему так измучены очи,
Моя грустная кровь, моя вросшая в сердце страна?
Что ты поровну хлеба на всех не ломаешь, Россия,
Ты, меня научившая пайку делить пополам?
Что так горько в разлуке щемит перехваченной ксивой,
И от каждой свечи что за тени встают по углам?
Засвети одинокий огонь, расстели свое поле —
Мне дорогу во тьме всё же легче найти, чем тебе.
Хочешь — я напророчу: не будет ни страха, ни боли —
Только ласковый свет на твоей непутевой судьбе.
Погоди убивать — я тебе доброты напророчу,
И простят тебя дети твои, только слезы не лей.
Лишь огонь засвети, лишь решишь на огонь среди ночи!
И не бойся: вот видишь — тебе уже стало светлей.

Лондон 20 февраля 87 г.

Сядь, закури. Мы вдвоем, но так ненадолго.
Мы ничего не успеем: этот сон не имеет конца.
Нам уже не узнать,
Что за книги лежат на полках,
Что за крыша над головою, что за лошади у крыльца.
Нас уже ждут, пора, и времени нету,
Чтоб говорить о годах, проведенных врозь.
Наше с тобой "вдвоем" — на одну сигарету,
На молчаливый миг —
Глаза в глаза и насквозь.
Знаю: мы что-то везем туда, где нас ожидают,
Что-то важнее нас и наших потерь.
Что ж, мы готовы в путь,
Но докурим, пока седлают,
И намертво сцепим руки, пока отворяют дверь.

Май 85 г.

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Ах как много драконов на свете!
Что с того, что один убит?
Бьется-бьется в кольчугу ветер,
Брызжет облако из-под копыт.
 А внизу — города, народы
 И — квадратиками — поля...
 Там веками ищут свободы,
 Только ей не гнездо — Земля.
Только там она — редкой гостьей:
Осенит — и махнет крылом.
Плачут матери на погосте:
— Что ж вы, мальчики, напролом
 Шли? На жизнь и на смерть присягали?
 Не спускали своих знамен?
 Полегли — без крестов и регалий,
 А над нами снова — дракон...
И откуда столько берется?
И куда ж ты смотришь, святой?
И солдаты, и полководцы
На земной груди на крутой
 Спят. Их видно оттуда, сверху?
 Спят. Над ними свет голубой.
 И на утреннюю поверку
 Не поднять их простой трубой.
Что ж ты смотришь, святой Георгий?
И Георгий берет копье.
Над землею — родной и горькой —
Красным заревом бой встает.
 Но так много в мире драконов,
 Много битв и ночных погонь!
 И опять — упрямо, бессонно —
 Скачет небом крылатый конь.

ПРИЗВАНИЕ

Сегодня Господу облака
Вылепил Микеланджело.
Ты видишь — это его рука
Над брошенными пляжами.
Над морем и городом их несет
И над шкурой дальнего леса,
И — слышишь — уже грохочет с высот
Торжественная месса!
Сегодня строгую ткань надень
И подставь библейскому ветру.
Смотри, какой невиданный день —
Первый от сотворенья света!
Исполнится всё — лишь посмей желать,
Тебе — и резец, и право!
Ликуют тяжелые колокола,
И рвется дыханье, и вечность мала:
Безмерна твоя держава!
Отныне ты — мастер своих небес:
Назначишь ли путь планетам?
Изо всех чудес — поверить себе —
Труднейшее чудо света!
Но какими ты вылепишь облака —
Таким и взойти над твердью...
Так встань перед миром!
Прямей!
Ну как?
Отважишься ли — в бессмертье?

Где-то сад,
Там заморские птицы на ветках цветут.
Мне туда не попасть,
Мое место не там и не тут.
Почему же мне снится
Слабый утренний свет и крыло снегиря?
Ах, заморские птицы,
Вам тоже нельзя за моря.
А меня не пускает к вам в сад
Та решетка — далёко, в Перми —
Между мной и друзьями,
И поезд на стыках гремит:
— На этап, на этап!
Собирайся в пятнадцать минут,
Не бери барахла!
Твоё место не там и не тут.
И покуда они по этапам —
Ты будешь в пути.
Ах как птицы зовут оставаться!
Но надо идти.

22 марта 87 г.

Ну не то чтобы страшно,
А всё же не по себе.
И обидно: вдруг сына родить уже не успею.
Потому что сердце сдаёт, и руки слабеют —
Я держусь,
Но они, проклятые, всё слабей!
Я могла бы детские книжки писать,
И я лошадей любила,
И любила сидеть на заливке своей скалы,
И умела, в море входя, рассчитывать силы,
А когда рассчитывать не на что —
Всё же как-то доплыть.
Я ещё летала во сне, и мороз по коже
Проходил от мысли, что скоро и мне пора.
Но уже прозвучало: "Если не я, то кто же?"
Так давно прозвучало —
Мне было не выбирать!
Потому что стыдно весь век за чаями спорить,
Потому что погибли лучшие всей земли!
Помолитесь, отец Александр, за ушедших в море,
И ещё за землю,
С которой они ушли.

Май 85 г.

Если волосы чешешь — забытая прядь
Означает дорогу.
Так поехали с Богом — чего нам терять —
От острога к острогу.

Нам железная щель повторяет мотив
Из берез да заборов.
Напишите нам письма, за всё нас простив:
Мы ответим нескоро.

Бьётся щебень о днище, машину трясёт —
Видно, едем по шпалам.
И уже не до местных пейзажных красот —
Вот и щели не стало...

И какими краями теперь мы пылим,
И какими веками?
Все неровности жесткого шара Земли
Ощущая боками...

Но сойдя, в неизвестно котором году,
Мы вернемся, быть может.
Напишите нам письма. Пускай не дойдут.
Мы прочтём их попозже.

Сентябрь 85 г.

А если не спится — считай до ста,
И гони эти мысли прочь.
Я знаю: меня уже не достать
И уже ничем не помочь.
Так не рви, сгорая в ночном бреду,
Белый бинт последнего сна!
Может быть, я скоро опять приду —
И тогда ты меня узнай.
Я буду ребенком или кустом —
С ладошками нет нежней,
А ты нагадай мне с хорошим концом
Сказку — да подлинней.
Я буду травой или песком —
Чтобы было теплей обнять,
Но если я буду голодным псом —
Ты накорми меня.
Я цыганкой дерзко схвачу за рукав,
Или птицей метнусь к окну —
Но ты меня не гони, узнав.
Ведь я просто так — взглянуть.
А однажды в снег, или, может, в дождь
Ты в каких-то чужих краях
На котёнка озябшего набредёшь —
И опять это буду я.
И кого угодно, в любой беде,
Тебе будет дано спасти.
А я к тому времени буду везде,
Везде на твоём пути.

Октябрь 85 г.

Дом под соломенной крышей
На берегу канала.
Белоголовых мальчишек
Стайка возле причала.

— Эй, перелетные птицы!
Месяц февраль на изломе.
Где вас найдет за границей
Грусть о маленьком доме?

Вам забывать не больно.
Но что у вас в сердце, птицы?
— Воды да колокольни,
Да красные черепицы.

5 февраля 87 г.

(Стихи Ивана Елагина из архива редакции)

Довольно. Я лгать себе больше не в силах.
Стою и кусаю от злости губу.
А кровный мой стих, что шумел в моих жилах,
Покоится важно в почетном гробу.

Как друга лицо, что до боли знакомо,
Лицо, что годами я в памяти нес,
И брови густые крутого излома,
И этот несносно-заносчивый нос,

Я всё узнаю — только каждой морщине
Когда-то сопутствовал жест волевой
И друг мой всегда был взволнован — а ныне
Он даже не дышит, совсем неживой.

Казалось бы всё то же самое, вроде,
Но, видимо, я до сих пор не привык,
Что выглядит мёртвым мой стих в переводе
На жесткий и сжатый английский язык.

Я опустил окно в автомобиле.
Был зимний день. И я услышал вдруг
Между ветвями: "Билли! Вилли! Билли!"
Попискивало несколько пичуг.

Они о чем-то спорили по-птичьи,
Но на своем английском языке.
Был зимний день. И белое величье
Снегов сливалось с небом вдалеке.

И вспомнил я — такие миги редки —
Оставленное где-то позади:
"Выдь-выдь! выдь-выдь!" — просила птица с ветки
А ей в ответ: "Уйди! уйди! уйди!.."

Проходит жизнь своим путем обычным,
И я с годами делаюсь иным,
И что казалось грозным и трагичным,
Мне кажется ничтожным и смешным.

Испуганная пролетает птица.
Гром тишину ломает на куски.
И мне теперь от красоты не спится,
Как не спалось когда-то от тоски.

Она задержалась у края стола,
Она на тарелку сардинку брала.

Она наклонилась в полуоборот.
Её вероломный запомнил я рот.

Однажды в компании, нежно-пьяна,
В такси умиленно болтала она.

А раз её видел я в зимнем пальто...
Пусть всё это так, но всё это не то,

Я знаю, какие-то это куски
Моей ненасытной последней тоски.

Я мог рассказать бы намного верней
Об Анне Карениной, а не о ней.

Я знаю, что несколько раз для неё
На сцене лицо загоралось мое,

Я знаю, меня не забудет она
Сидящим с бокалом вина у окна,

Но всё это тоже какой-то кусок, —
Рука на весу, поседельй висок,

И временем всё как водой залито,
И знает она, что всё это не то,

Что нам не составить во веки веков
Картины единой из разных кусков.

Они горят оранжево, багрово.
Их ветер только что с ветвей сорвал.
Меня ты, осень, обступаешь снова,
Как пушкинского рыцаря скупого
Блистающий монетами подвал.

Мне это тоже не досталось даром!
Пусть не ценою слёз или невзгод,
За эту осень с раскалённо-ярым,
Кидающимся под ноги пожаром,
Сполна уплачен жизни целый год.

Но незачем жалеть о том, что тратим,
О том, что каждый миг мы отдаем
Садам, дроздам, друзьям, стихам, объятьям.
Что временем за красоту мы платим,
Пока нам вечность не построит дом.

Ростислав Сазонов

”Дальнее плаванье”

Темпера

БРИТАНСКИЕ СТАНСЫ

Цепчик счастья — Шекспира отец
О. М.

1

Как в рану под бинт,
червь переползает опасный
в сырой лабиринт
тюдоровской красной...

Суровая! На острие
рапиры грешна, как на ложе.
Зане и само бытие
с чумной червоточиной то же.

2

Спасибо за тень на стене,
энергию сплина,
ночлежную ночью вдвойне
спасибо, чужбина,

за то, что ты есть,
как пробуешь вспыхнуть от гнева,
лишь спичку поднести
к соломе хором или хлева.

3

Три ведьмы сошлись на предмет
вконец заморочить Макбета.
Души молоко его — вслед
им скисло еще до рассвета.

И тысячу лет
сближаться ей сомнамбулично
с таинственным Тем кого нет,
чтобы разминуться привычно.

4

Отрубленная голова
царя — глазированный пряник.
Тут каждый актер в окрова-
вленном одеянье — механик

из хроник. Тот главную роль
играть удостоился чести,
кто в майскую бурю дотоль
стучал колотушкой по жести.

5

Пространство не гасит огней
и учит ленивых спросонок
всем ходом казенных ремней
и зубьями всех шестеренок

что, дескать, пора, господа,
рассыпать холерную хлорку
по сцене — и тем без труда
рассеять партер и галерку.

6

Под карканье кравчего при
дворе никому не известном,
где если отведал — умри
на факельном пиршестве тесном,

а не от прославленных ран,
тоскует безвластный,
росой окропленный кочан
тюдоровской красной...

7

В сколоченном крепко дому
из холодноватых потемок
я бережно в руки возьму
сырой корабельный обломок.

Хранись в очаге
под пленкой огня и раскаты
громов вдалеке,
обрубок великой Армады.

8

Моя немота влюблена
в наименованья.
Дождей пелена
да ветра стенанье

схоронят в пути.
И возле ограды,
руно нагуляв, во плоти
пасутся монады.

9

Перевоплотилась душа,
но помнит себя под началом
ракушечника, катыша
и берега с серым причалом.

Десант по колено увяз
в песке под победные крики.
И ветер повалит сейчас
его алебарды и пики.

10

Раз с неба заметили нас
подтаскивавшими орудья
под стены его, устрашась,
что не избежать правосудья,

мы всю анатомию, всю
приводим в движенье молоку,
чтоб выложить тяжбу свою
на тросах парящему Року.

11

Когда осужден повторять
за черепом, что перед нами
из будки суфлерской опять
чего-то проклацал зубами,

чтоб с голоду не помереть
и снобам понравиться в ложе,
— как будто охотничья плеть
любовно гуляет по коже.

12

Тот смолоду был бестолков,
— кто не браконьерствовал в чашах,
не ставил силков
на певчих скворцов говорящих

и не поднимал на заре
всю трупку на взятие мира.
...Под этой плитой в алтаре
покоятся мощи Шекспира.

13

Зеленая в вешнем цвету,
холодная и осыпная
на ярко-свинцовом свету
Британии толщ островная

кренится за валкой кормой.
И скопом кричат небылицы
прощально — над массой морской
какие-то белые птицы.

Май 1987 г.

СНЕЖНАЯ БАЛЛАДА

Мы разом всё превозмогли,
Так не терзайся и не сетуй.
Там где-то снег идет с рассветом,
Шел снег... От неба до земли,
Повсюду — рядом и вдали —
Так ярко! Так природа рада!
Но, словно ранняя прохлада,
Снега весенние сошли.

В морозной солнечной пыли
Пылали белые букеты.
В вокзальной сутолоке где-то
Шел снег, пути куда-то шли.
Постой, прощанье отдали:
Куда же нам от снегопада?
Уходит белый цвет из сада,
Снега весенние сошли.

Лет тридцать пять снега цвели,
Мела пурга по белу свету.
Светала старая планета,
Шло утро, мы куда-то шли...
Нет, не коснись, не опали
Цветенья робкого, не надо!
Как тает детская досада,
Снега весенние сошли.

В моей неведомой дали
Так много дня, так мало света.
Мое пожизненное лето
Снежком январским убели.
Хоть раз продли, развесели
Хоть чем бесснежную балладу.
Как день, мелькнувший за оградой,
Снега весенние сошли.

Что мне делать в этот день весенний?
Горек одиночества урок.
Может быть, минута вдохновенья —
Только серых яблонь холодок.

Может, мир прекрасен не словами,
А живым сочувствием словам.
Молви слово теплыми губами,
Проведи рукой по волосам!

Мне не надо белого покоя:
Там, за дверью, плещется листва.
Ты взъерошь мне волосы рукою,
Ты же видишь, я еще жива!

Я жива, я не заледенела.
Ясен день, и даль светла до слез.
Ты прости мне, если я надела
Платье, слишком белое в мороз.

Я простилась — и возвратилась,
Встрепенулась и обмерла.
Это — молодость разгрустилась,
Растревожила и ушла.

Это — севером вдруг дохнуло.
Ты ссутулился за столом.
Только долго в окна тянуло
Еле слышным зябким теплом.

Усмехнулся ты: мол, не ждите,
Чтоб в песках расцвела сирень.
Я молчала. Стоял в зените
Резкий, ясный предзимний день.

Блестели кочки полевые,
Земля и лужи потептели,
И тучи послегрозовые
Рассеиваясь, вечерели.

И накупавшийся до дрожи,
Цветок к цветку тянулся робко,
И мы сидели под рогожей,
И было пасмурно и знобко.

Сказал ты: "Если изнеможет
Вконец истраченное тело,
То кто тогда душе поможет
Продолжить начатое дело?"

"Но что есть истина, что ересь, —
Спросила я, — и в чём движенье?
И отчего, во всем изверясь,
Душа не верит в поражение?"

И вдруг затрепетало где-то,
Над пашнями и дальним лугом,
И нимб двойного семицвета
Повис над миром полукругом.

Над миром — и над ближним прудом,
Над миром — и за поворотом.
Нет, мы не думали про чудо,
Мы лишь предчувствовали что-то.

Юрий Бобрицкий

”Берег в Мейне”

Акрилик

И снова ты один, как десять лет назад,
один, как десять тысяч километров
назад, и десять тысяч стихотворных строк...
Но этим громким цифрам далеко
до заклинанья. Это просто
нули да единицы — а душа,
как прежде, поднимается кругами,
спиралями, порывисто дыша
выходит в стратосферу, и оттуда
летит, ломая восковые крылья,
крутясь, крича, и больше не считая
ушедших лет, вагонных километров
и типографских знаков.

Эту песню
ты позабыл, ты напеваешь только
припев, один, как много лет назад,
как, скажем, десять тысяч километров
назад, черт-те знает, сколько строк,
и с каждой новой цифрой забываешь:
ее любили ангелы, и может
быть, за секунду от земли, где ты
угрюмо смотришь в сторону, подхватят
и унесут.

И это будет тем
последним одиночеством, в котором
уже ни песни нету, ни припева.
Задумался? Не мне тебя учить.
Сам знаешь, нет возврата. Остается
падение, а если повезет —
еще одно мгновение полета.

Виноватые ищут полёта,
кистепёрую мучают речь,
а у ветра — простая забота —
раздувать, перетряхивать, жечь.
Повторит позабытое имя —
и опять, без воды и огня,
небесами бежит дорогими,
безработные тучи гоня.

Я и сам ни о ком не тоскую,
и давно уже хочется мне
записаться на службу простую,
скажем, месяцем в зимнем окне.
Не болтать, и не плакать по дому,
одиночество честно терпеть,
да под утро — ребёнку больному
колыбельную песенку петь...

А. Радашкевичу

На что похож? Скажу: на сад камней,
замусоренный бестолковый,
который чем древнее, тем верней
поит лозой известняковой.
В проулке — волк, на перекрёстке — лис.
Вяатель спит, ладонью прикрывая
стакан цветной, где водка и анис,
и башенка всплывает угловая.

А нам с тобой — по лесенке, взаклёб,
то финна обгоняя, то японца.
Ну, не толкайся, толоконный лоб,
туристище. Уйди. Не засти солнца.
Оно уже в проёме винтовом
в преддождевой коричневатой дымке
мерещится — жар-птицей, полу-львом,
химерою на довоенном снимке.

Что ж, если речь о фокусах — назло
спущусь туда, где зрелище попроще,
где головой в толчёное стекло
летит жонглер, и пьяненькая площадь
вдруг ахает, монетками звеня,
а он глотает пламя, славы ищет...
Я пошутил. Здесь тоже нет меня.
А где я есть? Когда б я знал, дружище...

Где длился спор о музыке, и о
бессмертии, а может, об удаче,
когда достопочтенная Клио
в красивом пантеоне предназначит
по нише каждому — а до тех пор — гуляй,
рванина праздная, носи парик мочальный,
из Моцарта ей что-нибудь сыграй,
пускай заснёт над книжкой печальной.

Бежит фонтан в рассыпчатую тьму,
с известняком речную ночь мешая.
Для музыки, не милой никому,
какой-нибудь грозы в начале мая —
пока Шарлотта тянется к ножу,
и фокусник за шпагою другую
глотаёт — я под звездами брожу
и тенью собственной торгую.

Колокола, колокола! —
Последний раз в году.
Скользит метельная юла
По праздничному льду.

Опять, как будто, всё прошло —
Не время вспоминать.
И стрелки сходят тяжело,
Чтоб дальше круг топтать.

Колокола, колокола!
Сплетенный, чуткий звон.
Для всех течет родник тепла
Под золотом икон.

Недалеко до Рождества —
И ночь — навеселе.
Кружит небесная листва,
Белея на земле.

Вот тьма зеленая зажгла
Еще одну звезду.
Колокола, колокола! —
Последний раз в году.

Раскрыта тайна, —
За чудом навик...
Необычайна, необычайна! —
Земля сырая —
И без поправок
Осенний облик земного рая.

За октяблями
Москва промокла;
И соль морозца — по красной яме.
Туман простуды,
Потеют стекла.
Стихов измятых и листьев — груды.

Стихов, измятых
За октяблями, —
Никак не вытравить из пернатых.
Открыта тайна:
Не за морями
Москва. И осень — необычайна.

Я всё вспоминаю всерьез:
И то, что в пучине пропало,
И капли с грустящих берез
В хрустальной отраве бокала,

И пьяные слезы любви,
И цепкие ветви лесные,
И ветер, что все норовил
Окутать в надежды сквозные...

И память, полнея в тени,
Становится облаком были.
А смертные, тусклые дни —
Уплыли, уплыли, уплыли...

Серый день сутулится,
Неудавшийся и сонный.
Темноглазою мадонной
Пробегают улица.

Как по струнке пламенной
Ловко выставляет ноги,
Сохраняя облик строгий
Королевы каменной.

Укатилась бусинкой
Дымчатая недотрога.
Вновь стою я у порога
В переулке узеньком.

Там будет всё совсем иначе.
Там будет одиноко мне.
И не услышу, как заплачет
Тут мама — по моей вине...
Вдруг станет всё совсем иначе.

Не будет жизни, как доселе —
Что я, хозяйкой дней своих
Иду, мечтая, по неделе,
Пишу, какой взбредется стих...
Всё будет строже, чем доселе.

... Я попрощаюсь — лишь на время...
Нет, увезу с собой туда
Любовь. И, может, жизни бремя
Любовью станет навсегда?
Какие дни, какое время...

На улице — туман и ветер жгучий;
Морозец тихий, ласковый, ручной.
Темнеет небо, разметая тучи,
И городишко дышит под луной.

Проходят тени, топчут каблуками
Вечерний свет, мечтая о земном.
А я — со связанными, слабыми руками
Лежу в больничной койке под окном.

Зимовье страшное в сухом бреду палаты;
Часы придушены, слова почти мертвы.
Нашиты ловко чистые заплаты
На черные, бесчувственные швы.

На улице — там жгучие туманы,
Укрыты снегом люди и дома.
А души грустные, как огненные раны
Залижет Вечер, Милость и Зима.

Еще рассыпан по неделе
Тяжелый ворох декабря.
Но скоро, скоро новоселье —
И осень обольщает зря.

Шуршит листвой, — сухой, поддельной,
К зиме стараясь подползти.
Иль хитрой песне колыбельной
Ее баюкают в пути.

Зима, отмахиваясь снежно,
Чудесным лебедем плывет.
Как ночь — легко и неизбежно
Она восстала у ворот.

Но тяжки медные затворы,
Рабы хмельны и слуги спят...
И черных птиц тупые своры
Под злыми тучами хрипят.

Еще рассыпан по неделе
Тяжелый ворох декабря.
Но у серебряной купели
Уж ждет метельная заря.

НА ЛЮБЫХ ПАЛЬЦАХ

Бабочка оставляет пыльцу на любых пальцах.
Праздник полета приветствует праздность жизни.
И на каких ее вечность вышила пяльцах?
Что ей сказать своей гусеничной отчизне?

Был бы ей голос — и горло витиевато
Трель выводило о легких, как воздух, чувствах.
Бабочка, бабочка, разве ты виновата,
Что попадаешь так часто в сачок искусства?

Пусть безыскусен мир и без искуса время,
И прорастают цветы из отверстий касок,
Но не проникнешь в булавочное твое темя,
А оставлять пыльцу — не напасешься красок.

ДЕРЕВЕНСКИЙ КОЛОДЕЦ

К ночному колодцу пошел за живой водой.
Взял в руки ведро, но мерцающею слюдой
Овала на лунной воде остановлен был.
Я поднял глаза и за чем я пришел — забыл:

Мерцают созвездья, и над головой видна
Луна, как дно эмалированного ведра,
Застрявшего в воздухе, которое Кто-то в наш
Колодец спускает, то ли на местных Даш
Нечаянно засмотрелся, то ли задумался ни о чем,
А может, стоит, подперев небосвод плечом,
Глазами к галактикам прокладывая Млечный путь,
А может, хотел бы нашей воды зачерпнуть,
Узнать настоящую цену добра и зла...
Наверно, хотел бы, да, видимо, цепь мала.

РАССВЕТ С ЗАВЯЗАННЫМИ ГЛАЗАМИ

Отовсюду можно поднять глаза к небу.
Но приходит рассвет с завязанными глазами,
И не двигается от страха в траве кузнечик.

За тобою, куда бы ты ни поехал,
Будут следовать твои грехи и пороки,
И из прошлого будут махать руки
Впереди вагона.

Воробьев бутоны на голых ветках
И чужие девушки в легких косынках
Будут лишь повторениями пространства
В пыльных пейзажах.

Ну, а если опустишь глаза долу,
Встретит взгляд впитавшая свет солонка
С ледяными зрачками и белым сердцем,
Как супруга Лота.

АНТРАКТ

В зрительном зале живут лишь одни глаза.
Шелест осенних программ — комнатный листопад —
Вновь превращает разбуженный зал в вокзал
После падения занавеса —

Люди спешат невпопад
Броуновским движением в театральный буфет,
Модницы на ходу проверяют эффект
Платьев и кофточек на окружающую среду,
Крутят мужчины шеями с галстуками не в ладу.

Вот и искомая очередь, влекомая тягой в буфет —
Символ движения к цели. Девицы, слетавшие в туалет,
Пахнут духами и пудрой и взгляд с полувзгляда поймут,
В розовых пальцах сжимая бинокля глазастого перламутр.

Приятно двигаться к цели в окружении разгоряченных лиц,
Не думая о коварстве времени, играющего с лицами в блиц.
Радуюсь равному шансу на взгляд кокетливый или косой,
Равному праву на стакан лимонада, на бутерброд с колбасой.

Надежда Карнова "Бегство в полдень" Терракота

Распахнулась роща золотая
И стоит, прозрачно облетая,
Слабо и доверчиво шурша,
Словно отходящая душа.

Не прося о невозможном чуде,
Отлетая молится — да будет
На закате стынущего дня
Воля Сотворившего меня!

Меж елочных огней Бродвея
Ползет, пульсируя слегка,
Двойной мерцающий конвейер —
Автомобильная река;

И омывает скверик тощий,
Где в ряд старушки на скамье,
Как в холодке вечерней рощи
Сидят в спокойном забытье.

Пускай бензином пахнет воздух,
Ползет асфальтовым теплом,
Но где-то в небе светят звезды,
Но светит память о былом.

”ПОНОРНИЦА”
(Карстовая река в Югославии)

Из ледяной пещеры
Шумя бежит река,
Омыла камень серый,
Прозрачна и звонка.

И солнце вниз червонцы
Швыряет ей на дно,
И пенится на солнце
Зеленое вино.

И снова, полный звона,
В пещере скрылся бег —
Из лона тьмы и в лоно.
Как жизнь. Как человек.

Василеостровским друзьям моей юности

Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать.
На Васильевский остров
Я приду умирать.

И. Бродский

Мне приснилось, что я у Смоленки-реки
На Смоленском кладбище,
У часовенки Ксеньи Блаженной, стихи
Пьяный в стельку, читаю нищим:
”...Мужики! Поделитесь своею судьбой,
Пилигрима считайте братом...”
Но смеялись нищие надо мной,
Утешали и крыли матом.
Я читал им о том, что приду умирать
На Васильевский остров, в дом
Сорок восемь на Среднем...

И что потом

Я не буду стихи читать.
Подходили калеки и дурачки,
Дождь холодный то лил, то капал,
И ложились влажные пяточки
В заграничную модную шляпу...

Очарованный странными снами,
Я останусь в снегах Вермонта.
Но мы будем вспоминать мертвых —
Вы меня, а я — себя с вами.

На Васильевский остров вернутся стихи —
Пепелища остывшего дым...
У Смоленки-реки на Смоленском кладбище
Почитайте их нищим собратьям моим.

ВОРОН

Е. Ф. С.

Ворон как ворон. Черная птица,
Когда приснится, стучится в двери,
В окно стучится...

Ворон как ворон. А я поверил:
Открою двери — беда случится.
Во сне наощупь окно прикрою —
Каркает, будто стучит клюкою,
Будто играет ружья затвором,
Вещая птица — зловещий ворон...
Каркает на уходящий след,
Будто листает судьбы страницы,
Где нитью времени кружевница
Вплетает тени в мой силуэт,
Как паутинки...

За тенью тень

В день обойдут силуэт по кругу,
И станет меньше он —
С каждым кругом

Издержки возраста...

”Канитель”, —

Каркает ворон.

Ему-то что,
Ему столетие — воскресенье...
А я опять поменял пальто
С зимнего на весеннее
И не заметил, как год прошел...

Но всё это вздор.

За окошком рассвет

Небо окрасит оранжевым цветом,

Ночь, засыпающую с рассветом, —
Черного ворона силуэт.

Я всё забуду, что смогу забыть.
Зачем грустить? Всё хорошо.

В Вермонте

По прихоти судьбы живу в раю.
Без зависти пишу карандашом
стихи.

Без хитрости кому-то их дарю.
Теперь весна. Под окнами сирень
и ландыши.

Мой дом стоит в глуши.

Я перестал искать вчерашний день
И память перестану ворошить —
Зачем грустить? Всё позади.

В Вермонте

Теперь весна и некуда спешить.

Николаю Тарнавскому

Ладисполь. Моря синева
И облака, как паруса,
Как сказочные острова,
Заброшенные в небеса.

Иду по черному песку
Под тень развалин маяка,
Ослепшего на берегу,
Манящего издалека.

Но свет пролит в морскую ширь,
И у расколотой стены
Фонарь, как пьяный поводырь,
Уснул под веткой бузины.

Грустно пить одному...
Наливай, всё равно.
В доме тихо,
Лишь полночь скребется в окно.
Что-то хмель не берет
И не клонит ко сну.
В новогоднюю ночь
Грустно пить одному.
Грустно пить одному
И седые усы
Утирать рукавом,
Коротая часы.

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

1

Без голубого, как дымка, начала,
без золотого, как осень, финала,
и без "Средь шумного бала",
просто из дома, просто с вокзала,
прямо со школьной ребячьей скамейки —
юность истрачена вся до копейки.
Там, где теряли и жизнь и любимых
поезд товарный шел медленно мимо
сёл, и полей, и пустых магазинов,
шел, спотыкаясь о судьбы, на Запад.
Некому было выслушать рапорт
о том, кто спасется, и кто задохнется,
кто никогда на Восток не вернется —
просто пройдет сквозь чужие воротца —
с чем-то смириться. С чем-то бороться.

2

А мама носила красивые платья.
И милые мальчики, мамины братья,
на паркетно-узорном стояли полу.
И нарядная мама с бриллиантовой розой
танцевала серебряный вальс на балу.
Это было в альбоме — еще до морозов,
до замерзшей воды на полу,
до стоянья за хлебом,
до похлебки пустой за обедом,
до хождения по селам и бедам...
Всё сияла красивая мама в альбоме
в нашем промерзшем покинутом доме.

3

Постарел и сгорбился дом.
А студент из альбома стал добрым отцом.
Но трагически был он не в мире
с тем, что есть, и что стало потом.
И со страхом смотрел он на двери,
и надрывно впускал он бездомного зверя,
ожидал перемен — ни ушам, ни глазам не поверя,
ожидал он. И умер в кромешное время,
целовавшее насмерть и в губы и в темя,
целовавшее насмерть таких, как он...
А поезд товарный — вагон, и вагон, и вагон —
шел от дома, где старый остался альбом.

НА СМЕРТЬ МОНАХИНИ

Коленопреклоненно так жила. И отлетела
душа из тоненького тела,
из этой неземной земной обители.
Скажи, зачем на свете так тебя обидели?

Иль может быть душа твоя была бестелой
и плоть твоя земного хлеба не хотела —
ни мук его, ни страсти и ни радости,
ни молодости, нет, и даже — нет, ни старости,

а просто беспристрастия — молитвы и поста.
Ведь эта жизнь твоя — она была проста.
Проста? О нет, об этом не рассказывай.
Ведь это было погребеньем — заживо.

Не правда ль, заживо ложилась ты во гроб,
чтоб ночью встать, горячим лбом ударить чтоб
вот в эту стену, в этот колокол?
Но никого вокруг. Никто не ходит около.

Как дверь — распахнута твоя душа.
Но никого. И тяжело дыша,
опять ложишься ты во гроб тесовый,
опять молитвы, и опять засовы.

И так всю тонкую твою святую жизнь.
Святой водицей окропи! Живой водою брызнь
на эти мертвые черты под куполом.
Но ты ушла. И в мире ничего не убыло.

ИЗ ПРАПАМЯТИ

Любимая, закат горит
и конь, взметнувши гриву, скачет,
и темная жена Лилит
в древнейших книгах ворожит. Не значит

твой город ничего. Он юн
чужою кровью — без крови пророков.
О, сколько знойных лун
ты не найдешь в его пороках,

в его камнях. Они лишь прах, —
но не Библейский, — тот неотрясаем,
а просто каменный, тлетворный прах,
который с ног спокойно отрясаем

и в даль глядим, — она живет
не настоящим, и не будущим, а Прошлым,
в котором смерть. И чудо. И живот.
Любимая, еще к закату можно

припасть челом. Еще горит
словами он бессмертными пророков.
А город твой — пусть город спит
стотысячными смертными глазами окон.

Сергей Голлербах

”Рисунок из блокнота”

Перо

Полнотелою, румяной свахой
отошла в Успенский перезвон
и стоишь пред безымянной плахой
и творишь обрядовый поклон.

И придут холодные и злые
в чуждый им Кривоколенный лом,
выметут старуху помелом
на чужой отчизны мостовые.

Отзвенит последней грустью храм,
выцветут в забвении молитвы
и в последний час своей ловитвы
душу сплюнет многоликий хам.

Ты ль Европа? — Связка колоннад
и распластанный орел имперских зданий
не задавят песенный Арбат
и церковность царственных рыданий.

Ты везде чужая: всякий толк
про себя судачит — о невзгоде,
о своем властительном народе,
человек, мол, человеку — волк.

Проиграли мы свою игру:
нас Москва не встретит пирогами,
и под чужедальними снегами
чуждой мне страны и я умру.

Но и ты, красавица, умрешь,
не осилив своеволя жизни, —
занесен твой братобойный нож,
кровь на чадах призрачной отчизны.

Ты умрешь под колокольный звон,
под победный алый шелк знамен,
медных труб торжественное пенье,
возгласы косматого Успенья.

Но в тебе архангелов тропы
пролегли в века мечты о мире,
и твои державные стопы
в мир бредут победнее и шире.

Ты умрешь. Но, смертью смерть поправ,
Кремль стряхнет звезду со Спасской башни,
и на золотом процветшей пашне
вспыхнет Город Незакатных Слав.

1943.

ИЗ ЮНОШЕСКОЙ ТЕТРАДИ

1

В червленом цинковом гробу
прозрачные привстали сумерки
и, оглядевшись, снова умерли,
за край повесивши главу.
Из стопудовой темноты,
как из-под крышки заколоченной
или из ямы развороченной,
стучит: "Один свидетель — ты"
Теперь спасайся, прячься, льни
к прохожим, жмись не по-хорошему,
пока саму не укокошили
один из них иль все они.
В безумном городе живу,
его помешанностью мучима,
Голландца — страшный сон — Летучего
на русский стих перевожу.

2

Потеряется день и найдется
в брюхе полночи сторожевой,
под колеса попавшийся солнцу,
перевернутый вниз головой.

Это длится томительно долго.
Я присутствую. Сходит на нет
к желобку в раскаленной каемке
полушария целого свет.

Осторожный запущен старатель
собирать золотую пыльцу
вслед за тем, разменял-кто-растратил
лунный слиток, тут верь молодцу!

Подмастерьем гляжу, недоумком,
как отходы сплавляет Гефест:
окунет в черноземную лунку
и в один остужает присест.

Что-то варится в чане полночном,
ворожится, колдуется в нем;
проплывая, заденут нарочно
рыбы гладким своим плавником.

То не ночь, то поверхность колодца.
Загляни и от страха отпрянь:
кто-то там над тобою смеется,
до небес разевая гортань.

Ты проглочен, ты вновь эмбрионом
среди звезд до рассвета растешь,
их младенческий радостный гомон
на мотив колыбельный похож.

3

Снежной крошкой утрамбуются
все пути по всей земле.
То ли я иду по улице,
то ли улица по мне.

Простираюсь ли куда-то я,
растворяюсь ли во всем...
Дворник шаркает лопатюю.
Мир в пурге и невесом.

Верх и низ — яйцо вселенское
кто-то снес, а мы внутри.
Хлопья месятся и мелятся
на муку и пироги.

Средь людей неинтересно мне,
гонит прочь то ль бес, то ль дух,
то ли чувствую ровесницей
я себя — всего вокруг.

4

Всё время что-то происходит,
как по указке, с облаками,
то разнимают и разводят,
то снова сталкивают лбами.

Всё чаще, голову задравши,
засматриваешься всё дольше
в передвигаемое страшно:
всей толщей в духа оболочку.

Туда затянутый до срока
зрачком, приникшим добровольно
к соску небесного болота,
не ведаешь, ты сам — живой ли?

Живешь бессмысленно, бессвязно,
без связей, то есть, с жизнью этой.
Кладут всё небо, как повязку,
тебе на лоб, как малолетке.

5

Дождик вышивает частой гладью,
ветхие фасады чинит шелком,
тонкую работу в пальцах ладит,
обметав чугунную решетку.

Глаз не отвести, так шумно лупит.
Только-то я счастлива: под дождик.
Он угомонится на минуту,
мир просохнет — и опять такой же.

Просто так и ни с какой не с целью
дождь, одними средствами богатый,
только чтобы нить в ушко продели,
слушая его, и будет рад он.

6

День был пасмурный, серый, из тех, что
любим, кажется, больше всего.
Вот что месяц приходит стеречь-то:
появленья в окне твоего.

Из засады, как вор за стеною,
возникает каленый клинок:
профиль месяца с жесткой скулою.
Тень твоя завалилась набок.

Чтоб мы, видно, не всё веселились,
заболтавшись, забывшись, что есть
в мире морось, тоска и унылость,
и с косою бездомная Смерть.

Так и жить нам, скрываясь все время
от других, что иначе живут.
— Ну, давай же читать Фромантена,
как во Фландрии жили, не тут.

Жизнь, засыпанная снегом,
И заваленная листвой,
Всем знакомая жизнь — с хлебом,
Облаками и синевой, —

Подожди! Дай поглажу руками!
Подожди! Дай губами прижмусь!
Жизнь с закатами и замками,
Разве я от тебя отвернусь?

Помнишь, как соловьиною песней
Украшала ты ночи мои,
Как могилы на Красной Пресне
Заметали твои январь?

Я не плакала ночью в подушку,
Не вышептывала беду,
Чтоб спасти меня, солнце верхушку
Золотило в осеннем саду.

Чтоб спасти меня, море качало,
Убаюкивало корабли,
И я всё начинала сначала,
Чуть касаясь ногою земли.

Нет, в лесах моих самый дряхлый,
Самый слабый олень не умрет,
Жизнь, как в сказке немецкой пряжа,
Вечерами руно прядет.

А поутру румяные гномы
На лугах расстилают холсты...
Всё, как прежде. Черны вороны.
Кровь солена и реки чисты.

Прогулка по лесу прекрасна и нежна,
Как санный след на этом снеге пышном.
Душа зимою так озарена,
Что боли в ней не видно и не слышно.

Вот утка с изумрудной головой
Плывет надменнее, чем королева.
Направо полыхают синевой
Две польньи. И белый лес налево...

Душа зимою так озарена,
Как озеро всем этим льдом хрустящим.
Встает незримо снежная стена
Меж прошлым и чудесным настоящим.

Ночь пахнет то рыбой, то хлебом,
И долго не спит городок,
Похожий под праздничным небом
На именинный пирог.

Утратив свободу движений
И даже естественность смеха,
Я капля своих отражений
И голоса прежнего эхо.

Нежны итальянские песни.
Загадочны смуглые дамы.
Господи! Как там на Пресне
Могила моей мамы?

ЭТЮД

С. Голлербаху

Что хочет человек?
Стар, как век,
испит, зарос,
во взгляде — купорос,
гримаса мима.
Ему — пустяк,
только четвертак
на пиво.
И это жизнь.
А этажи
уходят в небо
невыраженным цветом.
И шип машин
ползёт по каменному лету
и тень на дверь
ползет по стертному порогу —
седой слепой
стучит в свою дорогу.
Что мир?
Что ритм?
Что окрик грубый,
зазывающие губы...
Всё просто так,
всё простота.
А этажи,
как эта жизнь
уходят в небо
невыраженным цветом.

ИЗ ДНЕВНИКА

Через 12 лет
кончается век.

А седой мужчина гонится за шляпой.
Ветер стучит сухими ветвями
опавшими листьями
заметает
заметает
заметает
дорожку сада
под ногами бегущего.
Только женщина с пышными коленями
спокойно сидит на скамейке
красит губы
и улыбается в зеркальце.
А седой мужчина гонится за шляпой.

Кончается век
через 12 лет.

В небо твое смотрю.
Степью твоею крестник
тобой посвященный
заклятием крестным
в зеленые травы
в алые маки
в крылатые махи
летающих под высокую синь
под высокую жизнь.

А в прапамяти топот копыт.
Это вражья сила скачет ощерясь
это жнивы горят
это черной пещерой
полдень навис.

Оборони. Сохрани.

Снеги легли...
Жестокие снега легли.
От края земли
до края земли
замерзали враги
замерзали сыны.
Это ты покров свой простерла.

В небо твое смотрю.

Владимир Шаталов

”Ничего вокруг”

Темпера

Моему отцу

Как я любила это лето,
пар поднимался от земли,
я шла навстречу дню и свету
вдоль серебристой колеи.
И пахло высушенной травой.
Безумный запах бытия
кружил мне голову, и я
в жизнь окуналась с головою.
И покосившейся избы
тепло в далекой деревеньке —
всё стало памятью судьбы,
и эти ветхие ступеньки,
и запах сена, знойный лес,
земля, блаженством залитая,
вся эта тяга золотая,
вся непридуманная смесь
тоски невнятной, счастья, рая,
ни после, ни потом, ни с краю,
а в этот миг.

Сейчас и здесь.

Не кончается мой карнавал,
оглушительный и разноцветный,
утешающий душу и тщетный,
неизбежный, как снежный обвал.
Он прекрасен, как воздух в горах,
изнутри обжигающий горло,
этот танец победный и гордый
и счастливый мотив на губах.
И какой тут особенный смысл
в том, что радуюсь, а не страдаю.
Просто с горем мы на смерть сошлись,
и мне кажется, я побеждаю.

День начинается с утра,
росинка, родинка, игра,
последний свет в последней зале,
всё то, что можно — проиграли,
но снова стала жизнь добра.
И отливают серебром
скользящие вблизи машины,
и запах яблок и малины —
день начинается добром.
А чем закончится — на дне
любого дня таится вечность,
но вновь протянет руку мне
и давний друг, и первый встречный.

МЕЛЬНИЦА МОНТЕФИОРЕ

Валентине Синкевич

Себе на радость и на горе
уплыло облако.

 За ним
и мельница Монтефиоре
летит над городом сквозным.

Спешат летучие ступени,
и мельница склонилась к ним,
в ней прошлого глухие тени,
твой ветер, Иерусалим.

Как победительница в споре,
как ласточка с других высот,
так мельница Монтефиоре
легко над городом плывет.

С утра — светло,
а к вечеру — дожди,
простой сюжет не разрешится смертью,
и надо доживать.

Но подожди,
еще запретный ответ на конверте,
где от тебя последнее письмо,
я и во сне не нагадала б лучше,
но что теперь, мой друг, собрат, попутчик,
что делать, если вдруг темным-темно?
Но проступает сквозь печали дня
рисунок невозможного блаженства,
в чем суть его — не знаю, в чем главенство,
но каждый раз спасает он меня.
Как ни темнеет, ни горит дотла,
но в жизни, как в тяжелом материале,
всегда неразличимые сияли
серебряные ниточки тепла.

Тепло моей жизни, ночная прохлада,
несбывшийся облик любви.
Ах, не было — было,
прошло — и не надо,
другим пропоют соловьи.
Дневным волшебством не надышишься вдоволь,
всё мало — дожди, тополя,
мелькнувшей надежды серебряный соболь,
и вся золотая земля.
И что это, Боже мой, даже на спаде,
где счастье уже не грозит,
всё катятся слезы, и музыки ради
судьба свой удар тормозит.

Ренэ Герра

Привычная, земная толчея,
Чередованье будничных событий,
А ты душа, свободная, ничья
В предчувствии таинственных открытий
Надеешься иное услышать
Сквозь шум толпы и говор торопливый
И гомон начинает затихать,
Как будто отступая боязливо...
И вот подходят, слышатся едва,
Потом яснее, ближе, полноценней.
И вот звучат печальные слова,
Подобные забытым песнопеньям.

18 декабря 1984

Снится давний придуманный мир.
Вроде был он уже осязаем.
Но опять в мозговую рвань укатил.
Явь ему, как оленю борзая.

Вновь по крохам его собирай.
Ватман правь вездесущею тушью.
И внимай как хмельной Заборай
кажет небу глаза из лужи.

Постигай неземную вину,
росчерк света, дыхание мрака,
лунатическую страну,
где душа беспощадно нага.

Вновь придет среди ночи Дали
и, пятнистою шкурой рисуясь,
сутью линий идти повелит.
”Бог с тобой. Но не молви все”.

Вновь Филонов проявит лик
и утонет в извиве пальцев
на бумаге, всплывающей в вскрик,
чтобы вскриком уже и остаться.

Вновь и Гойя — сознанием чист —
распогодится, выкликнет Маху.
И помянем минуты ничьи,
зная, — им не задернуться страхом.

Снится давний придуманный мир.
Не придуманно ватман питает.
Бездорожье чуждо для крыл:
вызревают, небо листая.

На неприбранной постели
в неразгаданном краю
я с тобой. Как пустомеля
обещанья раздаю.

Где-то воеет долгий голос,
медью плавится фокстрот.
За окном земная скорость
темп немислимый берет.

Проскриплю на половицах
и зашторю зябкий свет.
В темноте пусть наши лица
не вмещают пришлых лет.

И спутник старинных сказаний,
и пленник наследственных сил,
я нервно — стихом осязаний —
в словесных пределах бродил.

Вызваливал формулу чувства
из дебрей придуманных дней.
И Синяя Птица Искусства
стеклянно мерцала в окне.

Вломились незванные сроки,
оконные смяв миражи.
И снова судьба на пороге
у правды-неправды — души.

Не надо
хулиганить на заре...
Работный люд
стремится впасть в автобус,
усесться поудобней,
и с Мегре
крутнуть мозгами,
будто череп — глобус.
Палас Рояль!
И двери отворя,
водитель
мегафонит над Парижем.
И рвутся к выходу,
а там заря —
тоскливая,
своя гораздо ближе.

★

★ ★

И всё-то, всё-то ничего:
зима, снежинки,
речушка, крытая ледком, —
как бы в простынке,
изба, разбойное крыльцо —
ногам подсечка,
заиндевелое винцо,
шальная печка.
И всё-то, всё-то в полусверк
ушедшей ночи
летит, летит сквозь жизнь, сквозь век,
ворчит, пророчит:
”Вот речка вскрыется. Пойдет
в скелетном гуде.
И лишь того не кинет в пот,
кто жив не будет.”
И всё-то, всё-то трень-трава,
больной в порядке.
Играет с веком жизнь-вдова,
играет в прятки.

УТРО В ПАРИЖЕ

Над Парижем было небо светлым.
Зимний год отсчитывал минуты.
И стояли тяжестью согнуты
Каменные боги над рассветом.

Над землей кружилось время сонно.
Как лились нездешне наши речи!
И спадали холодно на плечи
Девственные локоны Мадонны.

Снег летел из сна и перламутра.
Уходил невстреченный прохожий.
Было чистой памяти дороже
Нежным снегом сотканное утро.

Коротки вечера.
В зимнем воздухе слышится пенье весны.
Еще только вчера снились зимние сны,
А сегодня в растаявшей зимней воронке
Чуть заметны зеленые нити листвы.
С пол-версты — никого.
Я ступаю по гаснущим звездам с опаской.
Я весеннею лаской пьяна, как бокалом вина.
Это в зимний покой заглянула весна.
Я щекой прижимаюсь к холодным стволам,
И стекают горячие капли весны по щекам.

Я исчезну. А ты останешься.
И твое голубое тело —
В этом мире, где ветры плачут,
Где больная старая дева
Сны в коробочку черную прячет.

Я исчезну. А ты останешься.
Я исчезну за горизонтом.
За оранжевым спелым садом
Под большим серебряным зонтом
Я познаю смерти усладу.

Я исчезну. А ты останешься.
Здесь, с картины
Из рамы узорной,
Над чужим потухшим камином,
Буду я бросать тебе взоры
И жалеть, что исчезла дымом.

И осталась лишь тень над камином.

В.В. Одинокор 75

Владимир Одинокор

"Портрет"

Акрилик

Наблюдая, как запад менялся,
Бронзовел, розовел, холодел,
Я чему-то в себе удивлялся
И какую-то силой владел.
Мне казалось, что вещи и веры,
Доказательств и глупость и ум,
Быстротечны, как в небе химеры,
Безразличны, как уличный шум.

Сквозь дерев поредевшие кроны
Мне зеленым казался закат,
И над ним разметались драконы,
Все в огнях, разбредясь наугад.
Колесница священная Феба —
Мифологии вечны азы —
Растревожила низкое небо
После быстрой сентябрьской грозы.

И пока от меня отдалялась
Щелочь мысли и память сама,
Просветленью душа удивлялась,
Озаренью без знаний ума.
И тогда на мгновение ока
Стал я этой незримой канвой,
На которой людская морока
Нарисована кистью шальной.

Вот зеленеет мхами радостный май апреля,
Дремлет небесное солнце, желтое словно с похмелья.
Или горного духа тут пронеслось участие,
Будто на этой планете тоже бывает счастье.

Даже случайный облак, шастающий в лазури,
Пышно себе гуляет, тоже не просит бури,
Или вот эти крылья жестких стрекоз беззвучных...
И золотится хвоя на муравьиных кучах.

Будто всюю забылся, будто насквозь проснулся —
Не узнаю планеты, где я недавно загнулся,
Где не поедом ели — в рог бараний крутили...
Что же мне делать со счастьем эти три четверти мили!

★

★ ★

Весенний день — везенья тень и первый крокус...
Уплыл в заботах и трудах — не пригодится.
Но вот уж обещаний бред собрался в фокус,
И снова медная ладья в ночи двоится.

Взглянул случайно на луну — там звон хрустальный.
Но то игрушка на ветру в дверях соседа.
А звуки словно от луны и трепет дальний...
Как между бездной и землей звенит беседа.

Памяти Ивана Елагина

Уходят поэты
 без строчек,
 без жалоб,
 без книг
Сквозь залы Вселенной,
 махнув на прощанье рукою.
Давайте всплакнем
 и помолимся тихо за них,
Чтоб души их блудные
 вдруг удивились покою.

Царапали толки.
 И хлопала дверью печать.
Цвело бесталанье.
 И слава спешила не очень.
Но был стихопад.
 И немислимо было молчать,
Когда прорывало
 аорту безудержных строчек.

Распроданы сроки.
 Запутаны нити орбит.
И сыграны роли,
 хоть текст их дотла исковеркан.
И только ночами
 пульсируют шрамы обид —
Не так это просто
 служить на Земле человеком.

Уходят поэты
 от толков,
 пустот
 и грызни,
Отбросив заносчиво
 все уговоры остаться.
Ну, что ж, помолчим.
 И помолимся щедро за них,
Чтоб кто-нибудь
 также за нас помолился когда-то.

РЕДАКТОРУ

Я по натянутой веревке
 Скольжу с отброшенным забралом
 И жду, когда вы отберете
 То, что еще не отобрали...

Вкривь ампутировали строки.
 Слова лишили кислорода.
 Вы мстите за свои пороки
 И за бездарную породу.

Но прокаженные меж всеми,
 Своей нездешностью играя,
 Стихи созвездием висели.
 У них и звезд судьба такая.

Рухнешь в небо
 земным подсолнухом.
 Скошен — в корень.
 Раздирают неприспособленных.
 Гордых — горбят.

Заправляет толпой посредственностью.
 Травля — способ.
 В этой свалке людских потребностей
 Выжить — подвиг.

За фасадами и фасонами
 Дешевизны
 Уберечь бы неприспособленных
 К этой жизни.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Мой компаньон глух.
Мой телефон нем.
Я помолчу вслух
С тем, в ком меня нет.

Не уроню звук.
Не подарю стон.
Кто-то из нас двух
Будет виной в том.

В каждом цветет сноб.
Первый замерз шаг.
Сбились уже с ног,
Но не спасли шанс.

Коль не судьба греть,
Перекрою шок
И затанусь в грех,
Как в дорогой шелк.

Пусть хоть еще сто
Впьется в меня ртов,
Я разгляжу, кто
В тайном витке строф.

Будет свеча тлеть,
Не опали крыл,
Чтоб закричать вслед,
Кем для меня был.

ВЕТР В ОВРАГЕ

Наши встречи и перекрестки
Лишь случайных посулов след:
Неразыгранных пьес наброски,
Да пятнадцатый стих в сонет.

Средь пустыни — мечта о влаге,
Среди моря — дырявый плот,
И гуляет наш ветер в овраге
И куда-то с собой несет.

Зарастет всё быльем, станет былью
(Слава Богу, не первый слой!),
И легчайшей, тончайшей пылью
Мы вернемся к себе домой, —

Чтобы наших детей современник,
Крепок духом, на глаз остер,
Приравнявши к штыку свой веник,
Наконец-то с земли нас стер.

*Но всё грезится сквозь немую тьму, —
Где-то там, над ней, ясный день блестит,
И незримый хор о любви гремит...*

Ф. Тютчев

Год
Как капля дождя
Упал на ладонь.
Уже не юность.
Еще не зрелость.
Где-то там вдали
Разожжен огонь.
Только много ль нас
У него согрелось.
Не широк наш путь,
Не далек наш путь,
Но и он
Для нас бесконечен.
Дай Бог, где-нибудь
И когда-нибудь
Сбросим всё,
Что легло на плечи.
Не начало и не конец.
Давно не детство,
Не скоро старость.
Где-то там вдали
Молодой гребец
Поднимает
Под ветром
Парус

Я, как слепец в стране туманов,
Пошел служить поводырем.
Ни зги не видно с фонарем,
А на земле полно капканов.
Но мне привычно и темно,
И я иду вперед без злости.
Что день, что ночь, мне всё равно:
Я весь свой век послушен трости.
А те бредут покорней стада
И, чуть ногами семеня,
Всё больше веруют в меня
И в то, что света им не надо.

★

★ ★

Далеких дней давнишняя обида
На сердце, как уродливый рубец.
Застряла в тканях глубже, чем свинец:
Лежит и не показывает вида.
Заколот бык, окончена коррида,
Былым страстям давно пришел конец,
Тореадор успел сменить венец
На клюшку и культяпку инвалида,
Но тот рубец, что в дальней стороне
Оставило мне вражье своеволие —
И наяву, и в неглубоком сне
Еще болит бессмысленною болью,
И кажется, что кто-то раны мне
Всё посыпает бесконечной солью.

НАД КНИГОЙ ПРАДЕДА

Передо мною том стихов твоих,
Они давно меня пленили.
Но каждый раз, когда вникаю в них,
Я что-то путаю... ты спишь давно в могиле,
Передо мной и жизнь и смерть твоя,
Ты умер век назад, тебя похоронили.
А между тем ты жив — и это я.

Мне жутко оттого, что кровь моя не та ли,
Которая в тебе текла;
Что те же призраки вокруг тебя витали,
Когда спускалась ночи мгла.
Не та же ль у тебя минутная беспечность,
Не та же ль боль души во сне и наяву?
Мне жутко оттого, что непонятна вечность,
А я... я всё еще живу.

1915 г.

*От смерти жизни жду
И от молчанья слова.*

Баратынский

Неслышно падает одежда дня,
Уходят мелочи, имеющие имя,
И безымянное, что было скрыто ими,
Темно и немо смотрит на меня.

По вечерам, садясь перед столом,
Верна желанному и страшному свиданью,
Лицом к лицу я остаюсь вдвоем
С безликой тайной мирозданья.

По вечерам я прихожу сюда...
День промелькнул кипучий, людный, шумный,
Но поздно вечером я остаюсь всегда
Вдвоем с моей тоской раздумной.

★

★ ★

Мы Тебя создали сами,
Старый русский Бог иконный,
Бог лампадный, Бог иконный
С Васнецовскими глазами.

В глубине своих страданий
В мире сумрачном и грешном
Мы прозрели лик Твой тайный
Говорящий о нездешнем.

И его одели в краски
Синих рек и радуг алых.
Русский Бог, который ласков,
Бог забых и усталых.

Он, кому подвластен каждый,
Царь любви, источник света...
Но который ждет и жаждет
На любовь свою ответа.

ЛОДОВИКО

Заранее знал
Я все оттенки
Его слов

И мой ответ
На всё
Конечно
Был готов

И приговора
Жуткие слова
Безжалостно
Все

 в
 воздухе
Повесил я
 (как мясо
 в лавке
 на крючке)

А зал
Едва дышал

Ответа
От Отелло
Ожидал

Ну что ж,
Так нужно:

Это он
Герой

Ведь пояснил
Шекспир
Нас всех

Его судьбой...

Но почему
Тогда
Он мне
А не ему

Закончить
Драму
Дал —

Мне охладить
Расплавленный
Металл.

ГРАД КИТЕЖ

На время
Бросил я
Писать стихи

Но
 к ним
Конечно
Я вернусь

Вернусь, когда вернутся
Дни мои
Когда опять
Воскреснет Русь

...не как живое
 существо
 или условное
 владенье...

А как
Подарок
Нам веков

Духовный клад
Награда
Вдохновенье

Тогда
И вспомнятся
Опять

Рожденья день
И первая любовь

И жажда жить
И жизни умиление...

”Ты слышишь, мир:
Град Китеж —
наш!”

И в этот миг
Замкнется круг веков

Жизнь кончится...

Нет!
перейдет

В серебряное смерти
Сновиденье...

СЕТИ

Твое тело белее мела,
легкие груди, гибкая шея.
На губах сладкий сок
тонких веточек вишни.
В глазах — золотые рыбки.
Ухожу на мгновения
в твои романтические сети
от земного сомнения.
Какой белый мир.
Этот свет велик
даже темной ночью.

УТРО ЗА ЗАНАВЕСКОЙ

Ирине Вульф-Гальдовской

Раннее утро
мандарином катится
по розовой черепице
и проскальзывает в окно,
просыпаясь в зеркале
добрым утром.

ЧАРДАШ

Говорят,
будто в Буду
раз в году,
ранним утром
на коне
цыган
лето привозит.

Говорят,
будто в Пеште.
в этот день.
ранним утром
из шатра.
молодая цыганка
зарю выпускает.

Ах, Дунай,
так и знай,
что пьянят твои воды,
словно пунш —
горячего взгляда напиток.

Сидит Буда,
будто Будда,
перед Пештом.

Ах, Дунай,
так и знай,
что быстры твои воды,
словно чардаш —
танец юбки цветастой.

Когда жаркое солнце
будит лето в зените,
цыган выйдет из Буда,
а цыганка из Пешта.
Встретятся двое влюбленных
на мосту
в Будапеште.

НАЛЕТ

Три самолета помчались в бой
(Будь осторожен! Господь с тобой!)

Вражеский город заснул давно.
В городе всюду темным-темно.

“Что же погубило в темноте?”
“Тридцать пять человек детей...”

Рядом с верфями был приют —
Верфи всегда при налетах бьют.

Два самолета вернулись домой.
Только один не вернулся — мой.

Был океан суровый цвета стали
и низко чайки над водой летали,
когда входили в бухту корабли.

Лохматая вилась бурунов пена,
гудела над фарватером сирена
и серого тумана ключья шли.

На кораблях веселые матросы
последние сворачивали тросы —
довольны, что закончился аврал.

Был океан вечерний цвета стали
и гавани огни уже блистали...

А что сулила ночь, — никто не знал.

НА ЗАРЕ

Шли тропой лесных извилин
при луне.
Грозно гужал черный филин
на сосне.
Только нас ничто не смело
испугать —
На опушку вышли смело
через гать.
А потом восход встречали
у реки;
Пели песни на причале
рыбаки.
Розовел и золотился
тихий плес...
Нам тогда еще не снился
омут слез.

НА СМЕРТЬ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ

Памяти Лены Гроссман

Ветру только повеять — и нету следов на песке.
И должна я поверить, что она в этом белом мешке.

Между нами, живыми, безмолвная мать изнывает.
Что ей нынче семья и друзья?
Мы столпились в испуге, друг друга еще узнавая,
перед черною бездной незнакомого нам бытия.

Ни к чему сожаленья о невольных обидах и винах
ей, на взлете подбитой, не выбравшей собственных дней.
Эту бедную яму окружили равнины
и склонились над ней.

Мы за спинами их — словно дети. В молчаньи
непонятный впиваем язык.
А внутри замирает, не дойдя до гортани,
о несбывшемся крик.

1987.

ОСЕННЕЕ

Окно мое затянута дыханья тонкой тканью.
Я слышу, как на улице автобусы шипят.
Не выдержу — уеду воскресной темной ранью
туда, где откровенная тоска и листопад.
Туда, где в одиночестве леса встречают осень.
О, как они осунулись, измученно-горды!
Озябшие березы в объятых старых сосен,
и на полянах призраки — прозрачные кусты.
На них играет ветер, они поют тревожно.
Непрошенная гостя, мешать я не хочу.
Уругою тропою пройду я осторожно,
коричневую шишку на память захвачу.
А небо городское домов закрыло клетки,
и рядом с фонарями куда уж там луне.
В глазах моих качаются беспомощные ветки.
Леса, леса осенние всё время снятся мне.

1956

Всё, что я любила,
Надо порешить.
Боже, дай мне силы
Это пережить.
Вспыхнет пусть и сгинет,
Ведь уже седа.
Боже, помоги мне
Вытерпеть себя.

1981.

Как бы хороша была прогулка наугад,
Если б не бросался на меня из переулков Ленинград.
Чтобы вспоминать о том пореже, чтобы перебить,
надо полюбить кого-нибудь в Париже, надо полюбить.

1987

Лазарь Портной

”Сироты”

Тушь, перо

НОВОЕ УТРО

Зимой, на исходе семестра,
Как издавна заведено,
Созвездья Святого Сильвестра
Шутя, заглянули в окно.
К окошку был космос причален
И в стекла войдя без труда,
Звезда угораздила в чайник
И сразу вскипела вода.
Орудя зеркальцем синим,
Рассвет водворился внутри
И вспыхнуло пламя в камине
От чистого блеска зари.
И воду в тазу зарумянив,
И в комнате чувствуя власть,
Заря подает умыванье,
Прищурясь и тихо смеясь.
И празднику света поверив,
Водой откупившись от сна,
В светящийся иней деревьев
Я сверху гляжу из окна.
Всех кровель морозные грани
Румяным крылом охватив,
На всех колокольнях играя,
Заря подбирает мотив.
На мерзлом стекле шевелится
Кристаллов орнамент простой,
И книга раскроет страницу
И рукопись ляжет на стол.
И в мыслях — алмазная резкость,
И крыш синеватый излом.
А вьюги Святого Сильвестра
С полночи звенят за стеклом.

ВЕЧЕРЕЕТ

Память соборной тени, привратница арки тенистой,
Звонких фонтанов душа и голубятница крыш!
О как чиста тишина и красочен солнечный выступ —
Ты эту милую глушь легким крылом осенишь.
Камень обветренный дик, короста на нем вековая,
Улицы в тонкой пыли, камнем земля проросла,
В тысячетней дали переулки твои куковали
И отливала река солнечным плеском весла.
В том угловатом гнезде, в кварталах церквей и пекарен
Уличным звуком была ты от ворот до ворот,
Там каменели гербы, там чистые окна сверкали,
Там улыбался базар, там собирался народ,
Пела душа площадей, седая часовенка пела,
И завершало свой круг, тонко скрипя, колесо.
Время сквозь спицы текло, и черное пиво кипело
И хорошела река, словно живое лицо.
Речка плеснулась звездой зеленовато и чисто.
Заторопилось весло силе течения помочь,
В арку ворот с фонарем проходят ночные флейтисты —
То-то она загудит, краткая летняя ночь.

1987.

ХОЛСТЫ

Нырря в солнечную зелень,
С сырым кустарником на ты,
Он, пропадая по музеям,
Строкой простирачивал холсты.

Сквозь плеск листвы ему казалось
В зеленом, молодом огне,
Что был он улицей Пизарро
И жирным золотом Мане.

И он, как бы объемом легких
Насквозь угадывал в строфе
И блеск извозчичьей пролетки
И отблеск пестрого кафе.

Весна — служанка от Дюваля —
Стихия — сверстница — весна
Все занавески раздувая,
Влетает ветром из окна.

И в этой лиловатой жиге
И в красочном столбе афиш
Угадываем шум Парижа
И влажно светится Париж.

И кружка пива ярче будет
В полуулыбке карих глаз
И голубые крыши студий
Малюют солнце про запас.

В полурумянце, как живая,
Как бы в сияньи синева
Стоит служанка от Дюваля
И ждет, чтоб улыбнулись Вы.

ЗАШЛИ В КАФЕ

Мы оценим сухость летних улиц
И улыбку светлого окна,
В тесноте из столиков и стульев
Мы пригубим красного вина.
Торопились сутки и недели
И не помнили, сходя на нет,
Сколько мы за столиком сидели,
Пять минут, или пятнадцать лет.
Словно мы играли и смеялись,
Сидя под стеклянным колпаком,
Только за окном у нас сменялись
Рим, Равенна, Мюнхен или Кельн.
В светотени этого уюта,
Как цветные сумерки легка,
Ты была бессмертием минуты
И значеньем каждого глотка.
Тени переменяются местами
И поблекнет улица стекла —
Мы сейчас расплатимся и встанем
И поймем, что это жизнь прошла.

1987

Хочется взять пальцами за подбородок,
Заглянуть в опечаленные глаза,
Такие пронзительно-черные,
Погладить волосы, как крыло вороново,
И, близко-близко наклонившись, сказать:
"Мальчик, не будем спорить с природой,
Это не под силу ни тебе, ни мне.
Я умная, пойму, что всегда нельзя вместе,
Ты уедешь к скучнейшей своей невесте,
Которая не лучше меня и не умней...
Я ведь тоже тебя не люблю:
Так было вчера, так будет завтра,
Но сегодня на земле не существует людей
Кроме тебя и меня...
Отчего же от моего взгляда
Ты затуманился, как зеркало,
Которого коснулось дыхание?"

СМИРЕНЬЕ

Свершилось: я — в круге,
Очерченном твердой рукою,
И бег мой упругий
Прервался. Я в полном покое.

Ушла от погони,
Сбежала, не приняла боя.
Отстали их кони,
Я слышала их за собою.

И вот — тишина, одиночество,
Руки испачканы мелом,
Я центр мироздания:
Центр круга, по черному — белым.

Где прежние друзья?
Где в прошлое дверца резная?
Я в замкнутом круге,
И слов заклинанья — не знаю.

Я в круге, я в круге,
Для новой присяги — немая...
И белые руки,
Как белые флаги,
Вздыхаю.

Бат-Ям, 1984 год.

(ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ)

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ

*”Спрос и предложение взаимно
регулируют друг друга.”*

(Из какой-то политической экономии)

”Не можете ль больше дать?”

Торговался я робко и неумело,

Если ничего не удастся продать,

Продаем — мускулы и тело.

Своим поражениям я не вел реестра,

Но был достаточно голоден и полуодет,

Когда меня привлекли удаляющиеся звуки оркестра

И от парохода по воде —

След.

Реяли чайки. С кем-то прощались мило дамы

(Еще обрывок серпантина в воде летит) .

А по воде разбежались сверкающие гаммы,

Их отбросило солнце, уходя в зенит.

Мне стало грустно, но вдруг, за каким-то окладом,

Где были ящики и в тупик уходил железнодорожный путь,

Он осмотрел бесцеремонным взглядом

Мои плечи, руки и мою грудь.

Его окружало человек до ста

Таких же оборванцев... и хотя мой вес

В английских фунтах приличен

И я высокого роста,

Но я как-то весь сжался и вперед не лез.

Он хотел казаться джентельменом, ибо на руках волосатых

Татуировку прятал под пестротой манжет

И жевал презрительно сигару, ногу поставив на канаты,

Заложив большие пальцы за жилет.

И на всю жизнь я запомнил: корабельных букв позолоту

Освещало солнце. Под ногами

Мука, сахар, изюм...
И другие люди, уже имевшие работу,
Выскочив, глотнуть воздух,
Под его взглядом спешили
Исчезнуть
В трюм.
Он нащупывал глазом. Для него — это — ”дельце”,
А мы не дышали. Лишь хрипел злобно подъемный кран:
”Ах, ненавижу..! Как я ненавижу
Рабовладельцев
Всех времен, всех наций
И всех
Стран”.
Каждый молча, тревожно думал: ”Не окажусь ли слаб?..”
...Конечно, Вы правы: надсмотрщик подымал плеть часто
Над Сервантесом,
Ибо Сервантес был для него лишь — алжирский раб.
Ну, а Вас, мой друг, били ль Вас-то?..

ОСЕНЬ

Там, у серых ворот вокзала
Будем только минуту ждать...
И, забыв, ты опять сказала,
Что хотела давно сказать.

Этот обруч на пальце тонкий,
Точно годы, за месяц врос...
Ты спешила: едва гребенки
Держат тяжесть твоих волос.

Было душно. За синей далью
Собиралась весь день гроза.
...Ты под черной опять вуалью —
О, как впали твои глаза!..

Солнце бляхи покрыло гляncем.
Под ногами опавший лист.
Этот парень с таким румянцем
И с трубою в руках — горнист.

У застывших громад вокзала,
Точно птицы, свивая круг,
Исступленные звуки сигнала,
Призывая, забились вдруг.

С криком снялась воронья стая,
И от тучи вдруг пала тень...
О, как пальцы дрожат, вправляя
Под погоном моим ремень!

Заметались, волнуясь, люди.
Лязг колес. Крик команд — "В эшелон!"
Побледнев, ты сказала: — "Будет,
Будет явью о счастье — сон!"

УХОДЯЩИЕ КОРАБЛИ

Скоро полосу света
Отбросит прожектора глаз,
И с башни отдаленной где-то
За часом — пробьет час.

Вечер никнет молчаливо,
Рождая грусть уходом своим, —
Так корабли, за чертой залива,
Исчезают, оставляя дым.

Чувство непонятной тревоги
Одно и то же, сейчас и встарь,
Когда с утеса наблюдал пироги,
Вынимая стрелу, дикарь.

Это чувство — всех чувств сильнее.
Не дано его превозмочь...
Закатом дня пламенея,
Непоколебимо приходит ночь.

О КИПАРИСАХ

Бессмысленно спрашивать как ночь создает рассказ о себе,
Говорить о том, что меж кипарисом и елью сияет Жар-птица,
Прикипая к небу сверкающей болью; праздно желанье узнать,
Как высоко она приземлится во времени, когда время пройдет,

Иль представить сей день, день после дня, когда небеса
Воскресали, — когда за тем, что я видела был кругозор
До того пронизанный светом, что казалось — перевернуты
Мысли мои и содержимое разума там, выше чем мозг мой.

Оставляет бездумное тело решать; бессмысленно вновь
Утверждать, что на взгляд кипарис оперен, как Жар-птица,
Что он говорит, когда ты ложишься здесь рядом со мной, —
Мужчина с руками, это всё, что я знаю, но я тебе говорю:

То, чего хотят кардинал или сойка, значительно больше:
Хотят они снега, косо летящего сквозь это окно, —
Смело, знакомо и нежно, будто тепло, которое знаю я,
Знала дольше чем тело, которое помню, которое есть я;

Хотят они память о нас, вместе живущих, память-птицу,
Бьющую крылом в такую суматошную толщу движенья, что
Вчерашний весь день летит в меня и я становлюсь
Исчезающей точкой на холсте Мондриана — черные его

Конечности ведут, покуда мой разум не растянется надо мною,
Требую действия, будто ничто не свершилось иль хуже того,
Чтоб решила я — который вздох будет моим последним,
Дабы на следующий день разгласить его в заголовках газет;

Вдохнули — я сделала выбор, объявили, что выбор плохой,
Покуда где-то в воспоминаньях, в длящейся их глубине
Я не ощутила рождение моего ребенка, — в нем был миг
Обретенья — первый восторг обретения: мой дар;

Затем открытие своей галактической груди,
Познание того, как младенец встретился с грудью,

Как утром Жар-птица взлетает живой!
Но претворяется восторг дня, который и есть дитя,

Мне это не чудится: он претворяется, чтоб извлечь
Такой огонь из рук твоих, будто ты его мать
Иль где-то кружась так далеко от исчезнувшей точки
(Жар-птица еще в уютном, надежном своем гнезде), что

Лицо нового мира должно быть младенца лицом, а не то
Сдунут как копоть снег, летящий сквозь окна,
Сгинет холст мира, запомнившиеся детали его сорвут,
Всё улетит, если ты не встретишь себя одного, —

Руки раскинуты как у Христа, чтобы скрыть пустоту,
Глазами, которыми плакал Эль Греко, ты ждешь
Бесконечно, чтоб возжаждал младенец-мир твою грудь;
Тогда медленно, медленно, с низко поникшею головой

Ты поползешь, чтобы взять свою голову, как дитя
На руки, — да будет принят твой дар, ты подымеешь его
В жизнь, ты должен напоить его молоком
Своей зрелости, начни, начни еще раз,

Будь тем открытым огромным клювом птенца,
Ждущим в отцовском гнезде, гнезде Жар-птицы;
Питай себя крохами светляка, будто причастием к слову
И начни признавать, что весь рассказ о себе

Помещается меж костью и плотью — ударом в пульсе;
Познай себя ребенком плачущим, дабы дали ему поесть,
Возьми его нежно на руки; здесь кипарис и здесь ель,
Жар-птица, взлетая, поет; взлетая, поет звездам.

(Перевод с английского В. Синкевич).

ОБ АВТОРАХ

АГРЭ, Людмила Гиршевна. Иерусалим, Израиль. Род. в 1932 г. в Ленинграде. Уехала из России в 1977 г. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

АЛЕКСЕЕВА, Лидия Алексеевна. Нью-Йорк, США. Род. в 1909 г. в Двинске. Уехала из России в 1920 г. Сборники стихов: "Лесное солнце", 1954; "В пути", 1959; "Прозрачный след", 1964; "Время разлук", 1971; "Стихи", 1980.

БАБИЧ, Павел Александрович. Спрингфилд, Вермонт, США. Род. в 1933 г. в Ленинграде. Уехал из России в 1980 г. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

БАРРИНГЕР, Маргарет. Филадельфия, США. Американская поэтесса, основатель и президент Американского Поэтического Центра в Филадельфии. Род. в 1946 г. в Брин Мавре. Печатается в американских периодических изданиях.

БОБРИЦКИЙ, Юрий Викторович. Бронксвилль, Нью-Йорк, США. Живописец, график, художник-декоратор, скульптор, фотограф. Род. в 1917 г. в Харькове. Уехал из России в 40-х годах. Персональные выставки в США, Австрии и Германии.

БОГАЧИНСКАЯ, Инна Яковлевна. Нью-Йорк, США. Род. в 1946 г. в Москве. Уехала из России в 70-х годах. Сборник стихов: "СТИХИЯ", 1983.

ВАСИЛЬЕВА, Надежда. Бад-Зоден-Зальмюнстер, ФРГ. Род. в 1965 г. в Москве. Уехала из России в 1973 г. Сборники стихов: "Первый снег", 1985; "Стихи. Книга вторая", 1986; "На перепутье. Стихи", 1987.

ВЕЛИЧКОВСКАЯ, Тамара Антоновна. Париж, Франция. Поэт, прозаик. Род. в 1908 г. в Одессе. Уехала из России в 1920 г. Сборники стихов: "Белый посох", 1952; "Цветок и камень", 1981.

ВИЗИ, Мария Генриховна. Колма, США. Род. в Нью-Йорке, жила в России и Китае. Уехала из России в 1918 г. Сборник стихов: "Стихотворения", 1936, "Голубая трава", 1973.

ВЛАДИМИРОВА, Лия. Натания, Израиль. Поэт, прозаик, Род. в 1938 г. в Москве. Уехала из России в 70-х годах. Сборники стихов: "Связь времен", 1975; "Пора предчувствий", 1978; "Снег и песок", 1982.

ВОЛКОВ, Борис Николаевич. Род. в 1894 г. в Екатеринославе. Умер (в результате автомобильной катастрофы) в Сан-Франциско — прибл. в 1950 г. Участник Белого движения, Георгиевский кавалер. Уехал из России в 1919 г. Сборник стихов: "В пыли чужих дорог", 1934.

ГАММЕР, Ефим Аронович. Иерусалим, Израиль. Поэт, прозаик, график. Род. в 1945 г. в Ориенбурге. Уехал из России в 70-х годах. Сборники стихов: "Магремор", 1981; "Тон" (стихография), 1987.

ГОЛЛЕРБАХ, Сергей Львович. Нью-Йорк, США. Живописец, график, эссеист, педагог. Род. в 1923 г. в Ленинграде. Уехал из России в 40-х годах. Член Национальной Академии Художеств, Американского Общества Акварелистов и т. д. Представлен во многих музеях США.

ДУБРОВИНА, Елена Михайловна. Филадельфия, США. Род. в 1946 г. в Ленинграде. Уехала из России в 70-х годах. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

ЕЛАГИН, Иван Венедиктович. Род. в 1918 г. во Владивостоке. Умер в 1987 г. в Питтсбурге, США. Уехал из России в 40-х годах. Сборники стихов: "По дороге отсюда", 1947; "Ты, мое столетие", 1948; "Портрет мадмуазель Таржи", 1949; "Политические фельетоны в стихах", 1959; "Отсветы ночные", 1963; "Косой полет", 1967; "Дракон на крыше", 1973; "Под созвездием топора", 1976; "В зале вселенной", 1982; "Тяжелые звезды", 1986; "Курган", 1987.

ИЛЬИНА, Ольга Александровна. Сан-Франциско, США. Род. в 1897 г. в Казани. (Правнучка Е. А. Баратынского). Уехала из России в 20-х годах. Сборники стихов: "Молчание звезд", 1927; "Стихи", 1985.

ИЛЬИНСКИЙ, Олег Павлович. Нью-Йорк, США. Род. в 1932 г. в Москве. Уехал из России в 40-х годах. Сборники стихов: "Стихи", 1960; "Стихи. Книга вторая", 1962; "Стихи. Книга третья", 1966; "Стихи. Книга четвертая", 1976; "Стихи. Книга пятая", 1981.

ИОФФЕ, Елена Владимировна. Иерусалим, Израиль. Род. в Ленинграде. Уехала из России в 70-х годах. Сборник стихов: "Когда мне исполнится вечер", 1987.

КАРНОВА, Надежда Павловна. Род. в 1947 г. в Филадельфии, США. Скульптор, иллюстратор, педагог. Персональные выставки в США. Участница многих национальных групповых выставок.

КЕНЖЕЕВ, Бахыт. Монреаль, Канада. Поэт, литературный критик. Род. в 1950 г. в Москве. Уехал из России в 1982 г. Сборник стихов: "Избранная лирика", 1985.

КРЕЙД (Крейденков), Вадим Прокопьевич. Айова Сити, США. Поэт, литературовед, профессор-славист. Род. в 1936 г. в Нерчинске. Уехал из России в 70-х годах. Сборники стихов: "Восьмигранник", 1986; "Зеленое окно", 1987.

КРЕПС, Михаил Борисович. Бостон, США. Поэт, литературовед, критик, профессор-славист. Род. в 1940 г. в Ленинграде. Уехал из России в 70-х годах. Сборники стихов: "Интервью с птицей Феникс", 1986; "Бутоны головы", 1987.

КУБЛАНОВСКИЙ, Юрий Михайлович. Мюнхен, ФРГ. Поэт, литературный критик. Род. в 1947 г. в Рыбинске. Уехал из России в 1982 г. Сборники стихов: "Избранное", 1981; "С последним солнцем", 1983; "Оттиск", 1985.

ЛЕВИНЗОН, Рина Семеновна. Иерусалим, Израиль. Род. в Москве. Уехала из России в 70-х годах. Сборники стихов: "Путешествие", 1971; "Прилетай воробушек" (стихи для детей), 1974; "Два портрета", 1977; "Веселые стихи", 1978; "Снег в Иерусалиме", 1980; "Зарифмую два имени наших (на иврите)", 1981; "Отсутствие осени", 1985; "Gedichte (на немецком)", 1986; "Ветка яблони, ветка сирени" (на арабском), 1986.

ЛИБЕРМАН, Анатолий Симонович. Минеаполис, США. Поэт, филолог, литературовед, лингвист, переводчик Шекспира, Лермонтова, Тютчева, исландских поэтов и др. Род. в 1937 г. в Ленинграде. Уехал из России в 70-х годах.

МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН, Игорь Михайлович. Филадельфия, США. Род. в 1943 г. в Мары (Туркменская СССР). Уехал из России в 70-х годах. Сборники стихов: "Посадить дерево", 1983; "Окна в лето", 1986.

МУРАВЬЕВА, Ирина Лазаревна. Бостон, США. Поэт, переводчик. Род. в 1952 г. в Москве. Уехала из России в 80-х годах. Печатается в русских зарубежных периодических изданиях.

ОДИНОКОВ, Владимир Васильевич. Оксфорд, США. Живописец, художник-декоратор. Род. в Москве. Уехал из России в 40-х годах. Член Союза Американских Художников Театра. Многолетний стаж работы в театре "Метрополитен", Нью-Йорк.

ПОРТНОЙ, Лазарь Аводевич. Мортон, США. Художник декоративно-прикладного искусства. Род. в 1936 г. в Киеве. Уехал из России в 1981 г.

РАТУШИНСКАЯ, Ирина Георгиевна. Эванстон, США. Род. в 1954 г. в Одессе. Уехала из России в 1986 г. Сборники стихов: "Стихи" (на русском, французском и английском языках), 1984; "Вне лемита", 1986; "Я доживу", 1986; "No, I'm not afraid", 1986; "Beyond the limit", 1987.

РЯЗАНОВСКИЙ, Александр Валентинович. Филадельфия, США. Поэт, профессор-историк. Род. в 1928 г. в Харбине, Манчжурия. Печатается в американских и русских зарубежных периодических изданиях. Сборник стихов: "20/20", 1987.

САЗОНОВ, Ростислав Дмитриевич. Нью-Йорк, США. Живописец, график, театральный художник. Род. в 1906 г. в Петербурге. Уехал из России в 1920 г. Член художественных объединений США. Участник многочисленных выставок в Европе и в Америке.

СИНКЕВИЧ, Валентина Алексеевна. Филадельфия, США. Род. в 1926 г. в Киеве. Уехала из России в 40-х годах. Сборники стихов: "Огни", 1973; "Наступление дня", 1978; "Цветенье трав", 1985.

ТЕМКИНА, Марина. Кью Гарденс, Нью-Йорк, США. Род. в 1948 г. в Ленинграде. Уехала из России в 1978 г. Сборник стихов: "Части часть", 1985.

ФИЛИППОВ, Борис Андреевич. Вашингтон, США. Поэт, прозаик, литературовед, редактор. Род. в 1905 г. в Ставрополе Кавказском. Уехал из России в 40-х годах. Сборники стихов: "Ветер Скифии", 1959; "Непогода", 1960; "Бремя времени", 1961; "Рубежи", 1962; "Стынущая вечность", 1964; "За тридцать лет", 1971.

ШАТАЛОВ, Владимир Михайлович. Филадельфия, США. Художник, поэт. Род. в 1918 г. в Белгороде. Уехал из России в 40-х годах. Член Национальной Академии Художеств, Объединения Американских Художников, Американского Общества Акварелистов и др. Участник национальных выставок в США.

Представитель журнала во Франции:

RENE GUERRA
37, rue du Fort
92130 Issy - Les - Moulineaux
Paris, France

Набор и оформление в издательстве "МИР"

PUBLISHING HOUSE OF PEACE, Inc.

P. O. Box 6162, Philadelphia,

PA 19115

U. S. A.

1988

